

Научная статья

УДК 159.923

<https://doi.org/10.21702/rpj.2021.3.3>

Личностно-средовое взаимодействие: исследование ценностных ориентаций и психологической системы деятельности российской молодежи

Инна В. Атаманова¹ , Екатерина И. Перикова² , Александр В. Щекотуров³ , Сергей А. Богомаз⁴ 

^{1, 4} Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Российская Федерация

² Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

³ Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, г. Калининград, Российская Федерация

✉ iatamanova@yandex.ru

Аннотация

Введение. Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа проблемы личностно-средового взаимодействия на современном этапе. Целью данного исследования является сравнительный анализ ценностных ориентаций (культурные измерения и базисные ценности) и параметров психологической системы деятельности вузовской молодежи в четырех российских городах. **Методы.** В исследовании приняли участие 735 студентов вузов, обучающихся в Санкт-Петербурге, Калининграде, Томске и Иркутске. Использовалась батарея опросниковых методик, сгруппированных по трем векторам исследования: 1) ценностные ориентации на уровне культуры (методики Г. Хофстеде и Р. Инглхарта); 2) ценностные ориентации на индивидуальном уровне (методика СОБЦ); 3) параметры психологической системы деятельности: самодетерминация, потребности в достижении и аффилиации, личностная готовность к деятельности (целеполагание, планирование, рефлексия и удовлетворенность жизнью), инновативные качества личности. Статистический анализ включал описательные статистики, факторный анализ и дисперсионный анализ ANOVA. **Результаты.** Факторный анализ выявил ведущие показатели, характеризующие специфику личностно-средового взаимодействия на примере вузовской молодежи. К ним относятся потенциал городской среды, личностная готовность к деятельности и традиционные ценности. Ценностные ориентации в исследуемых выборках различались как на уровне культуры (долгосрочная ориентация, традиционные ценности), так и на индивидуальном уровне (субъективная оценка реализуемости базисных метавалюостей, выступающая мерилем потенциала городской среды). Также выявлены особенности параметров психологической системы деятельности (планирование, потребность в связанности с другими людьми, индекс самодетерминации и потребность в достижении). **Обсуждение результатов.** Научная новизна исследования определяется комплексным подходом к анализу специфики личностно-средового взаимодействия в контексте личностно-профессионального становления вузовской

молодежи. Проведенный анализ позволил выделить ведущие показатели, характеризующие ценностные ориентации и параметры психологической системы деятельности российской вузовской молодежи, и средовую специфику исследуемых показателей, что необходимо учитывать при организации психолого-педагогического сопровождения процесса личностно-профессионального становления вузовской молодежи.

Ключевые слова

ценностные ориентации, готовность к деятельности, вузовская молодежь, реализуемость ценностей, культурные измерения, средовой потенциал, городская среда, традиционные ценности, самодетерминация, инновативность

Основные положения

- ведущими показателями, определяющими взаимосвязь ценностных ориентаций и параметров психологической системы деятельности российской вузовской молодежи, являются потенциал городской среды, личностная готовность к деятельности и традиционные ценности;
- выявлена средовая специфика ценностных ориентаций российской вузовской молодежи на уровне культуры;
- показаны особенности субъективной оценки российской вузовской молодежи в отношении реализуемости базисных метачценностей в соответствующих средовых условиях;
- средовая специфика личностных характеристик (планирование, потребность в связанности с другими людьми, индекс самодетерминации и потребность в достижении) согласуется с особенностями ценностных ориентаций.

Для цитирования

Атаманова, И. В., Перикова, Е. И., Щекотуров, А. В. и Богомаз, С. А. (2021). Личностно-средовое взаимодействие: исследование ценностных ориентаций и психологической системы деятельности российской молодежи. *Российский психологический журнал*, 18(3), 32–53. <https://doi.org/10.21702/rpj.2021.3.3>

Введение

Обращение к исследованию личностно-средового взаимодействия на современном этапе обусловлено необходимостью понимания тех качественных изменений, которые происходят в психологии людей в условиях быстро меняющегося мира. Молодежь в этом смысле представляет особый интерес, поскольку ассоциируется у исследователей и специалистов с потенциалом дальнейшего развития общества (Бохан и др., 2011; Kwon, Heflin, & Ruef, 2013; Bogomaz, Kozlova, & Atamanova, 2015; Fedotova, 2017). Ведущие экономисты обращают внимание на проблему человеческого капитала и призывают к исследованию так называемых «социокультурных кодов», т. е. того, каким образом различные факторы через иерархию ценностей приводят к реализации определенных поведенческих установок (Аузан и Келимбетов, 2012; Аузан 2015). Нами поставлена и успешно решается задача исследования личностно-средового взаимодействия в контексте личностно-профессионального становления вузовской молодежи (Bogomaz et al., 2015; Богомаз и Атаманова, 2017; Атаманова, Козлова, Богомаз, Залевский и Неяскина, 2018; Буравлева и Богомаз, 2020; Перикова, Атаманова и Богомаз, 2020; Перикова, Бызова, Атаманова и Богомаз, 2020).

Целью данного исследования является сравнительный анализ ценностных ориентаций (на уровне культуры и на индивидуальном уровне) и параметров психологической системы деятельности вузовской молодежи в четырех российских городах.

Анализ ценностных ориентаций на уровне культуры предполагает обращение к исследованиям голландского социолога, социального психолога и антрополога Г. Хофстеде, которые проводились в 60-е и 70-е гг. прошлого столетия, были направлены на изучение межкультурных различий и привели к разработке теории культурных измерений, основу которой составляют ценностные ориентации национальных культур (Hofstede, 1991; Хофстеде, 2014). Культурные измерения Г. Хофстеде, или культурные ценности, активно используются исследователями и в настоящее время в области бизнеса, менеджмента и организационной психологии (Soares, Farhangmehr, & Shoham, 2007; De Mooij & Hofstede, 2010; Савченко, Эминова и Батулин, 2015; Дубина и Рамос, 2019). Обнаруживается применение этой теории в образовании (Cronjé, 2011), психологии личности (Хофстеде и МакКрэй, 2010; Chien, Sycara, Liu, & Kumru, 2016) и психологии здоровья (Tekeş, Üzümcüoğlu, Hое, & Özkan, 2019).

Ряд работ фокусируется на выявлении внутринациональных различий по культурным ценностям (Minkov & Hofstede, 2012; Minkov, Bond, & Blagoev, 2015; Латова, 2016). Эти исследования показали, что такие различия могут фиксироваться между отдельными регионами того или иного государства и в какой-то степени отражать уровень их социально-экономического развития (Minkov & Hofstede, 2012). Исследователи также отмечают, что такие переменные, как профессия и образование, могут вносить свои коррективы в степень выраженности ценностных ориентаций при оценке культурных измерений на внутринациональном уровне (Minkov et al., 2015). В исследовании Латовой (2016) выявлена культурная специфика россиян, свидетельствующая о неоднородности степени выраженности таких культурных измерений, как «маскулинность vs фемининность» и «избегание неопределенности». Вышесказанное дает основание применить культурные измерения Г. Хофстеде для анализа ценностных ориентаций вузовской молодежи четырех российских городов в контексте исследования специфики личностно-средового взаимодействия.

Кроме того, многолетние исследования ценностей в различных культурных реалиях позволили Р. Инглхарту выделить универсалии общественных трансформаций (Inglehart, 1997; Inglehart & Welzel, 2005). «В процессе модернизации, сопровождающейся экономическим развитием и усилением ощущения безопасности, при условии, что новые поколения воспринимают выживание как должное, с определенным временным лагом происходят межпоколенческие изменения ценностей: переход от материалистических ценностей к постматериалистическим..., от ценностей выживания к ценностям самовыражения..., от традиционных ценностей к секулярно-рациональным» (Говорова, 2018, с. 82). В. А. Гуторов, анализируя концепцию Р. Инглхарта, отмечает, что «культурные различия продолжают определять характер ответа различных обществ на вызовы экономической модернизации» (Гуторов, 2018, с. 204). Наши исследования показывают наличие взаимосвязи между приверженностью традиционным ценностям и личностной готовностью вузовской молодежи к деятельности (Буравлева и Богомаз, 2020), средовую специфику в степени выраженности этой приверженности и негативное влияние на инновационный стиль реагирования на изменения (Перикова, Бызова и др., 2020).

Исследование ценностных ориентаций на индивидуальном уровне, осуществляемое через субъективную оценку реализуемости базисных ценностей в тех или иных социокультурных средах, представляется перспективным направлением изучения потенциала этих сред

в контексте личностно-профессионального становления вузовской молодежи (Bogomaz et al., 2015; Богомаз и Атаманова, 2017; Атаманова и др., 2018).

Еще один вектор предпринятого нами комплексного анализа проблемы личностно-средового взаимодействия предполагает исследование параметров психологической системы деятельности вузовской молодежи. Это представляется важным, поскольку «находясь в определенных средовых условиях, человек способен трансформировать объективные возможности этой среды в свои субъективные возможности и затем реализовывать их в конкретные результаты, достигая поставленных целей» (Атаманова и др., 2018, с. 91).

Методы

В исследовании приняли участие российские студенты (N = 735; средний возраст $20,1 \pm 2,2$ лет; девушки – 54,2 %, юноши – 45,8 %), обучающиеся в вузах по различным направлениям подготовки. Исследование проводилось в 2018–2019 гг. Процедура исследования предполагала заполнение бумажных версий опросников. Участие в исследовании осуществлялось на добровольной основе. После исключения 13 опросников из рассмотрения (не были заполнены бланки по отдельным методикам), распределение выборки по городам было следующим: Санкт-Петербург (N = 164), Калининград (N = 256), Томск (N = 177) и Иркутск (N = 125). В результате общая выборка составила 722 человека.

Была использована батарея опросниковых методик (Атаманова и Богомаз, 2018), сгруппированных по трем векторам исследования:

1. *Ценностные ориентации на уровне культуры*, выступающие в качестве культурных измерений социально-экономического развития общества: Методика исследования ценностей Г. Хофстеде со шкалами «дистанция к власти», «индивидуализм vs коллективизм», «маскулинность vs фемининность», «избегание неопределенности», «долгосрочная vs краткосрочная ориентация» и «свободное удовлетворение потребностей vs сдержанность» (Hofstede & Minkov, 2013; Хофстеде, 2014); Модифицированный опросник ценностей Р. Инглхарта в адаптации Р. К. Хабибулина со шкалами «традиционные ценности vs рационально-секулярные ценности» и «ценности выживания vs ценности самовыражения» (Inglehart & Welzel, 2005; Хабибулин, 2015).

2. *Ценностные ориентации на индивидуальном уровне*, позволяющие оценить потенциал городской среды в контексте личностно-профессионального становления (методика С. А. Богомаза «Субъективная оценка реализуемости базисных ценностей», СОБЦ). Рассчитывались четыре показателя метаценностей: «ценности личной жизни», «ценности профессиональной самореализации», «индивидуальные ценности» и «ценности самоутверждения» (Богомаз и Атаманова, 2017; Богомаз и Атаманова, 2018).

3. *Параметры психологической системы деятельности*:

- *оценка удовлетворенности потребностей*: показатели «потребность в автономии», «потребность в компетентности», «потребность в связанности с другими людьми» методики К. М. Sheldon и J. С. Hilpert «Balanced Measures of Psychological Needs», BMPN; среднее арифметическое указанных трех показателей вычислялось как «индекс самодетерминации» (Sheldon & Hilpert, 2012; Осин, Сучков, Гордеева и Иванова, 2015); показатели «потребность в достижении» и «потребность в аффилиации» методики D. N. Jackson «Personal Research Form», PRF, в модификации И. М. Кондакова (Jackson, 1984; Кондаков, 1998);
- *оценка личностной готовности к деятельности*: для реализации целей исследования использовались отдельные показатели – «целеустремленность» и «планомерность»

методики «Опросник самоорганизации деятельности» (Мандрикова, 2010), «системная рефлексия» методики «Дифференциальный тест рефлексивности» (Леонтьев и Осин, 2014) и «удовлетворенность жизнью» (Satisfaction with Life Scale, SWLS, в адаптации Д. А. Леонтьева и Е. Н. Осина) (Diener, Emmons, Larsen, & Griffin, 1985; Осин и Леонтьев, 2008); в рамках разработки авторского опросника «Личностная готовность к деятельности», ЛГД, обозначенные показатели переименованы, соответственно, в «целеполагание», «планирование», «рефлексию» и «удовлетворенность жизнью»; также рассчитывался «индекс личностной готовности к деятельности» как среднее арифметическое указанных показателей (Атаманова и Богомаз, 2018; Буравлева и Богомаз, 2020);

– оценка инновативности личности: показатели «креативность», «риск ради успеха», «ориентация на будущее» и «индекс инновативности личности» «Шкалы самооценки инновативных качеств личности», СИКЛ, разработанной Н. М. Лебедевой и А. Н. Татарко (Лебедева, 2012).

Статистический анализ был реализован с использованием лицензионного программного пакета Statistica 10.0. Применялись описательная статистика (среднее значение, стандартное отклонение, асимметрия и эксцесс), факторный анализ (метод главных компонент с Varimax-вращением, критерий «каменистая осыпь» Р. Кеттелла) и однофакторный дисперсионный анализ ANOVA с апостериорными попарными сравнения с помощью критерия Бонферрони.

Выбор городов, в которых проводилось исследование, был обусловлен тем, что они различаются по своему статусу, территориально, демографически и по уровню социально-экономического развития. Санкт-Петербург – город федерального значения, являющийся административным центром Северо-Западного федерального округа и считающийся неофициально северной столицей России, представляет собой крупный мегаполис с населением 5398064 человека (здесь и далее по состоянию на 01 января 2020 г., согласно сайту <http://www.statdata.ru>). Город играет важнейшую роль в экономической, научно-образовательной и культурной сфере как внутри страны, так и за ее пределами. Калининград также располагается в Северо-Западном федеральном округе, являясь административным центром Калининградской области. Город с населением 489359 человек занимает особое положение в силу своей близости к государствам Европы, характеризуется активными внутренними миграционными процессами и представляет собой крупный промышленный центр и транспортный узел с богатым культурным наследием и развитой туристической инфраструктурой. Томск, административный центр Томской области, входит в состав Сибирского федерального округа. Город с населением 576624 человека является признанным научно-образовательным и инновационным центром страны. Иркутск также входит в состав Сибирского федерального округа и является административным центром Иркутской области, население города составляет 623562 человека. Близость к озеру Байкал и богатая история делает Иркутск притягательным для туристов. Город считается крупным промышленным и научно-образовательным центром Восточной Сибири.

Результаты

Статистический анализ собранных данных позволил вычислить описательные статистики целого ряда показателей и индексов. Были получены средние значения, стандартные отклонения, асимметрия и эксцесс исследуемых показателей и индексов, что позволило оценить качество выборки для проведения дальнейшего анализа (табл. 1). Отметим, что показатели по методике измерения ценностей Г. Хофстеде рассчитывались по формулам, предложенным в работе Hofstede & Minkov (2013), но без использования констант.

Таблица 1

Степень выраженности исследуемых показателей у российской вузовской молодежи (N = 722)

<u>Показатели и индексы</u>	<u>Среднее значение</u>	<u>Стандартное отклонение</u>	<u>Асимметрия</u>	<u>Экссесс</u>
Хофстеде: Дистанция к власти	3,22	58,8	-0,01	0,22
Хофстеде: Индивидуализм vs коллективизм	50,32	70,2	0,01	0,82
Хофстеде: Маскулинность vs фемининность	-7,27	61,4	0,20	0,52
Хофстеде: Избегание неопределенности	-20,60	67,5	0,20	0,14
Хофстеде: Долгосрочная vs краткосрочная ориентация	15,51	62,4	-0,19	0,18
Хофстеде: Свободное удовлетворение потребностей vs сдержанность	63,07	66,6	-0,29	1,94
Инглхарт: Традиционные ценности vs рационально-секулярные ценности	4,12	0,85	-0,04	0,11
Инглхарт: Ценности выживания vs ценности самовыражения	4,37	0,75	0,15	0,02
СОРБЦ: Ценности личной жизни	5,42	1,47	-1,10	0,64
СОРБЦ: Индивидуальные ценности	4,87	1,10	-0,19	-0,01
СОРБЦ: Ценности профессиональной самореализации	5,53	1,19	-0,82	0,17
СОРБЦ: Ценности самоутверждения	5,33	1,25	-0,51	-0,52

Таблица 1
 Степень выраженности исследуемых показателей у российской вузовской молодежи (N = 722)

<u>Показатели и индексы</u>	<u>Среднее значение</u>	<u>Стандартное отклонение</u>	<u>Асимметрия</u>	<u>Эксцесс</u>
ЛГА: Индекс личностной готовности к деятельности	3,59	0,52	-0,18	0,35
СИКА: Индекс инновативности личности	3,47	0,59	-0,06	0,32
ВМРН: Индекс самодетерминации	0,45	0,40	0,41	0,46
PRF: Потребность в достижении	3,99	0,70	-0,71	0,88
PRF: Потребность в аффилиации	3,97	0,81	-0,79	0,44

Далее был проведен факторный анализ. Для реализации факторного анализа применялся метод главных компонент с ротацией факторов «Varimax» и критерий Р. Кеттелла «каменистая осыпь». Количество задействованных переменных – 15, количество выделенных факторов – 5. Объяснено 61,2% дисперсии исходной корреляционной матрицы. Критерием значимости показателя служила факторная нагрузка более 0,40. Полученные факторы приведены в таблице 2.

Таблица 2
 Результаты факторного анализа исследуемых показателей и индексов (N = 722)

<u>Показатели и индексы</u>	<u>Фактор 1</u>	<u>Фактор 2</u>	<u>Фактор 3</u>	<u>Фактор 4</u>	<u>Фактор 5</u>
СОРБЦ: Ценности самоутверждения	0,907	0,079	0,080	0,012	-0,005
СОРБЦ: Ценности профессиональной самореализации	0,873	0,066	0,011	0,018	-0,066
СОРБЦ: Ценности личной жизни	0,846	-0,071	0,060	0,072	0,023
СОРБЦ: Индивидуальные ценности	0,765	0,214	-0,006	-0,018	0,038

Таблица 2
 Результаты факторного анализа исследуемых показателей и индексов (N = 722)

Показатели и индексы	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4	Фактор 5
PRF: Потребность в достижении	0,051	0,775	0,144	-0,084	-0,020
ЛГД: Индекс личностной готовности к деятельности	0,089	0,695	0,294	0,211	-0,014
СИКЛ: Индекс инновативности личности	0,101	0,689	-0,163	0,146	0,032
ВМРН: Индекс самодетерминации	0,080	0,431	0,114	0,526	-0,048
Хофстеде: Долгосрочная vs краткосрочная ориентация	-0,012	0,101	0,763	-0,145	0,027
Инглхарт: Традиционные ценности vs рационально-секулярные ценности	0,109	0,154	0,748	0,136	-0,011
Хофстеде: Индивидуализм vs коллективизм	-0,042	0,269	-0,451	0,121	0,431
Хофстеде: Дистанция к власти	0,026	-0,056	0,103	-0,015	-0,670
Хофстеде: Маскулинность vs фемининность	-0,037	0,156	-0,143	-0,036	-0,755
Хофстеде: Свободное удовлетворение потребностей vs сдержанность	0,037	0,166	-0,128	0,618	0,252
Хофстеде: Избегание неопределенности	0,015	0,047	0,004	-0,806	0,060
Собственные значения	2,930	1,970	1,550	1,443	1,282
Доля общей дисперсии	0,195	0,131	0,103	0,096	0,085

Фактор 1. Самым значимым оказался фактор реализуемости метаценностей, включающий в себя ценности самоутверждения (0,907, здесь и далее в скобках указана факторная нагрузка), ценности профессиональной самореализации (0,873), ценности личной жизни (0,846) и индивидуальные ценности (0,765). Данный фактор связан с субъективной оценкой респондентами реализуемости базисных ценностей в соответствующих городских условиях. Наиболее существенный вклад в этом смысле вносят ценности самоутверждения (0,907) и ценности профессиональной самореализации (0,873).

Фактор 2. В этом факторе соединились параметры психологической системы деятельности, характеризующие потребности респондентов («потребность в достижении» (0,775) и «индекс самодетерминации» (0,431)), их личностную готовность к деятельности («индекс личностной готовности к деятельности» (0,695)) и инновативные качества («индекс инновативности личности» (0,689)). Ведущим показателем в данном факторе выступают потребности респондентов в достижении.

Фактор 3. Данный фактор связывает ценностные ориентации на уровне культуры («долгосрочная vs краткосрочная ориентация» (0,763), «традиционные ценности vs рационально-секулярные ценности» (0,748) и «индивидуализм vs коллективизм» (–0,451)). Отметим, что показатели, вошедшие в этот фактор, характеризуют респондентов в контексте их приверженности традиционным ценностям, ориентации на будущее и групповую сплоченность.

Фактор 4. Этот фактор включает ценностные ориентации на уровне культуры («избегание неопределенности» (–0,806) и «свободное удовлетворение потребностей vs сдержанность» (0,618)) и «индекс самодетерминации» (0,526). Ведущий показатель в данном факторе связан с принятием неопределенности, что способствует в целом процессу самодетерминации.

Фактор 5. Данный фактор объединил культурные измерения методики Г. Хофстеде: «индивидуализм vs коллективизм» (0,431), «маскулинность vs фемининность» (–0,755) и «дистанция к власти» (–0,670). Наиболее существенный вклад в этот фактор вносит ориентация респондентов на ценности обществ «фемининного» типа.

Следующий этап анализа собранных данных касался выявления различий по степени выраженности исследуемых показателей и индексов у российской вузовской молодежи в зависимости от города, в котором они обучаются.

Исследование ценностных ориентаций на уровне культуры. Ценностные ориентации на уровне культуры у вузовской молодежи, которые оценивались с помощью Методики измерения ценностей Г. Хофстеде, не обнаружили статистически достоверных различий, за исключением показателя «долгосрочная vs краткосрочная ориентация» ($p = 0,00001$).

Результаты дисперсионного анализа представлены в таблице 3. Обращает на себя внимание распределение указанного показателя по городам. Минимальные значения наблюдаются у вузовской молодежи Санкт-Петербурга ($1,6 \pm 62,7$ баллов), что можно трактовать как наименьшую степень их ориентации на долгосрочную перспективу. Далее идут города Калининград ($10,6 \pm 60,9$ баллов) и Томск ($20,3 \pm 63,4$ баллов). Наибольшая степень выраженности долгосрочной ориентации обнаружена у вузовской молодежи Иркутска ($37,0 \pm 57,9$ баллов).

Таблица 3

Результаты дисперсионного анализа выраженности культурных измерений Г. Хофстеде в исследуемых выборках (баллы)

Культурные измерения	Санкт-Петербург (N = 164)		Калининград (N = 256)		Томск (N = 177)		Иркутск (N = 125)	
	M	SD	M	SD	M	SD	M	SD
Дистанция к власти	9,4	56,3	2,1	64,2	2,6	55,4	-1,7	55,0
Индивидуализм vs коллективизм	60,0	74,9	52,6	67,4	42,9	65,8	43,4	74,3
Маскулинность vs фемининность	-3,0	58,5	-7,5	64,5	-10,1	63,6	-8,4	55,8
Избегание неопределенности	-32,5	71,3	-14,0	67,5	-19,3	67,1	-20,4	61,5
Долгосрочная vs краткосрочная ориентация	1,6	62,7	10,6	60,9	20,3	63,4	37,0	57,9
Свободное удовлетворение потребностей vs сдержанность	65,5	74,5	66,2	67,1	60,3	60,6	57,3	62,8

Примечание: M – среднее; SD – среднеквадратичное отклонение; полужирным шрифтом выделены статистически достоверные различия, $p = 0,00001$.

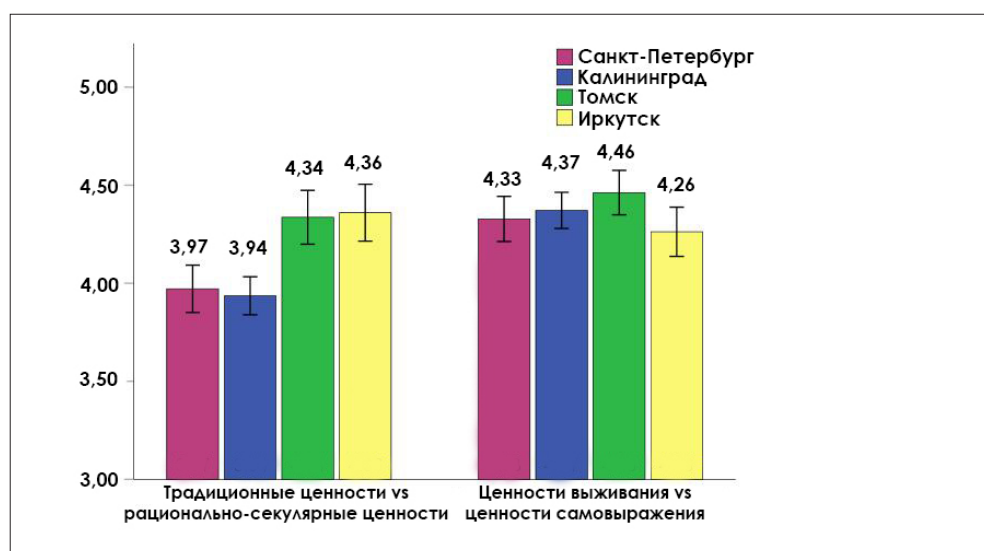


Рисунок 1. Степень выраженности ценностных ориентаций на уровне культуры в исследуемых городах (Модифицированный опросник ценностей Р. Инглхарта) в баллах

Далее были получены статистически достоверные различия ($p = 0,0000001$) в отношении показателя «традиционные ценности vs рационально-секулярные ценности» (методика Р. Инглхарта) (рис. 1). Наибольшая степень приверженности традиционным ценностям наблюдается в городах Иркутск ($4,36 \pm 0,82$ баллов) и Томск ($4,34 \pm 0,93$ баллов). Минимальные значения по этому показателю зафиксированы в выборках Санкт-Петербурга ($3,97 \pm 0,78$ баллов) и Калининграда ($3,94 \pm 0,79$ баллов). Такие различия в выраженности ориентации на традиционные ценности, вероятно, можно объяснить территориальным расположением данных городов и их статусом (отметим, что специфика городов обсуждается в разделе «Методы», а подробная интерпретация полученных результатов будет представлена далее в разделе «Обсуждение результатов»).

Исследование ценностных ориентаций на индивидуальном уровне. Результаты дисперсионного анализа показывают, что исследуемые выборки статистически значимо различаются по субъективной оценке реализуемости базисных метаценностей (методика СОБЦ): ценности личной жизни ($p = 0,0001$), индивидуальные ценности ($p = 0,0000001$), ценности профессиональной самореализации ($p = 0,0000001$) и ценности самоутверждения ($p = 0,0000001$).

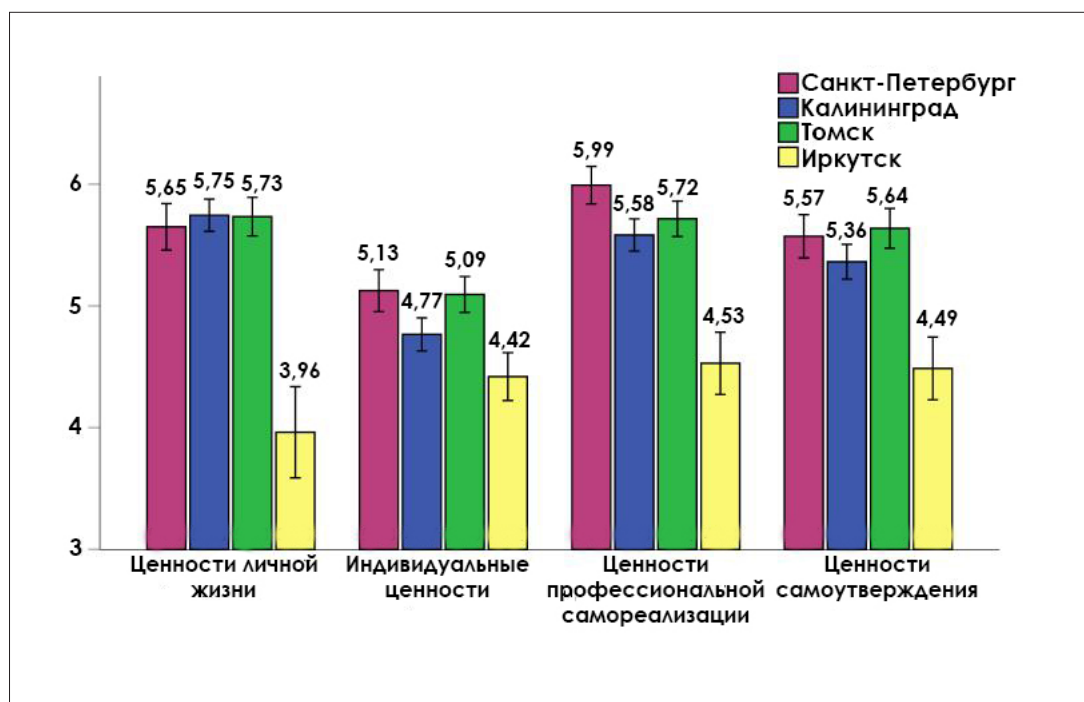


Рисунок 2. Степень выраженности субъективной оценки реализуемости базисных метаценностей в исследуемых городах (методика СОБЦ) в баллах

Сравнительный анализ степени выраженности показателей реализуемости базисных метаценностей в исследуемых городах (рис. 2) позволяет говорить о том, что вузовская молодежь Иркутска видит гораздо меньше возможностей для реализации базисных ценностей в своем городе. Обращает на себя внимание и то, что вузовская молодежь Санкт-Петербурга в большей

степени оценивает потенциал этого города с точки зрения реализуемости ценностей профессиональной самореализации ($5,99 \pm 1,00$ баллов), ценностей самоутверждения ($5,57 \pm 1,15$ баллов) и индивидуальных ценностей ($5,13 \pm 1,12$ баллов), в сравнении с другими городами. Города Калининград и Томск в большей степени способствуют реализации ценностей личной жизни ($5,75 \pm 1,06$ баллов и $5,73 \pm 1,08$ баллов, соответственно). Картина в отношении реализуемости базисных ценностей в Томске выглядит достаточно сбалансировано.

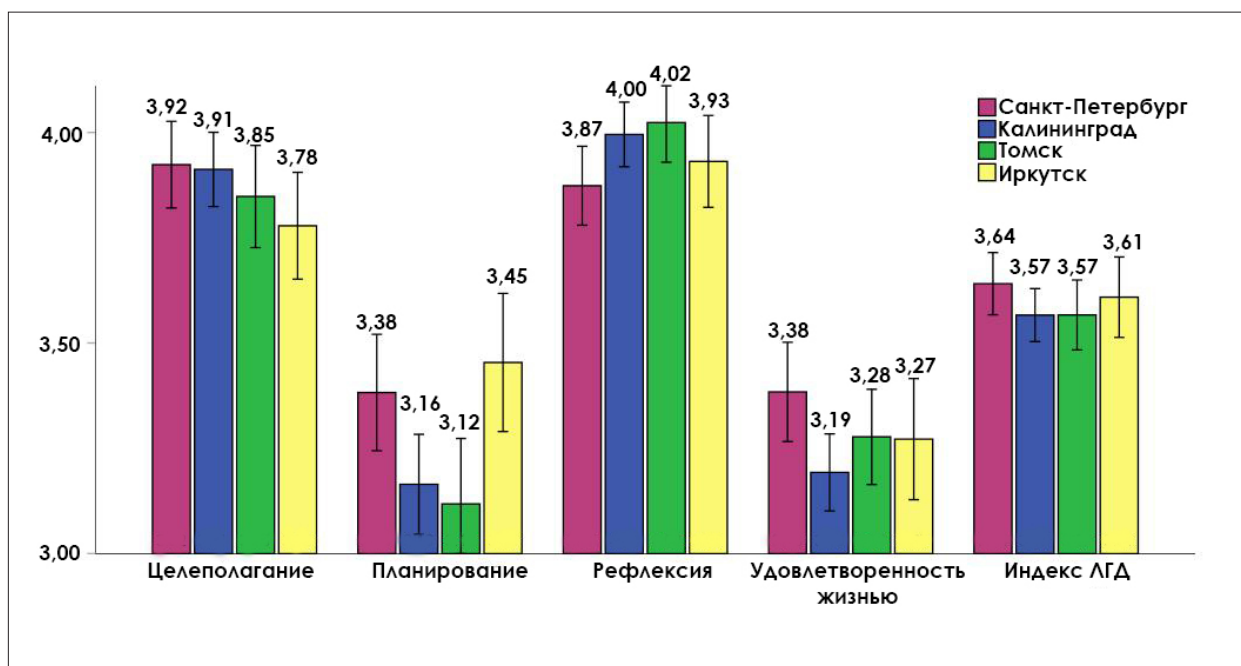


Рисунок 3. Степень выраженности параметров личностной готовности к деятельности в исследуемых городах

Исследование параметров психологической системы деятельности. Третий вектор исследования был связан с оценкой параметров психологической системы деятельности. Дисперсионный анализ выявил статистически достоверные различия по некоторым из них. В частности, респонденты в исследуемых городах статистически значимо различаются по показателю «планирование» ($p = 0,003$, рис. 3) со следующим распределением по баллам: $3,38 \pm 0,90$ в Санкт-Петербурге, $3,16 \pm 0,96$ в Калининграде, $3,12 \pm 1,04$ в Томске и $3,45 \pm 0,93$ в Иркутске.

Статистически достоверные различия между исследуемыми выборками также были выявлены в отношении параметров самодетерминации (рис. 4): связанность с другими людьми ($p = 0,036$) и индекс самодетерминации ($p = 0,046$). У вузовской молодежи в городах Санкт-Петербург ($0,50 \pm 0,65$ баллов) и Иркутск ($0,48 \pm 0,63$ баллов) наблюдается большая степень выраженности потребности в связанности с другими людьми в сравнении с Томском ($0,36 \pm 0,62$ баллов) и Калининградом ($0,35 \pm 0,56$ баллов). Индекс самодетерминации также выше у студентов, обучающихся в Санкт-Петербурге ($0,52 \pm 0,44$ баллов), минимальные значения – у вузовской молодежи Калининграда ($0,41 \pm 0,36$ баллов).

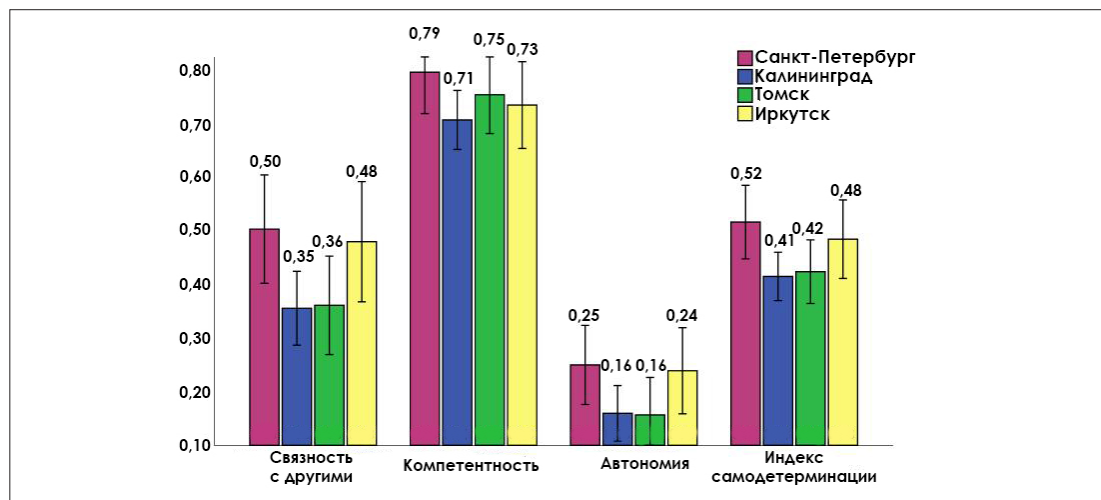


Рисунок 4. Степень выраженности параметров самодетерминации в исследуемых городах в баллах

Дисперсионный анализ также выявил статистически достоверные различия между исследуемыми выборками (рис. 5) в отношении потребности в достижении методики PRF ($p = 0,036$) со следующим распределением по городам: $4,05 \pm 0,68$ баллов в Санкт-Петербурге, $3,96 \pm 0,71$ баллов в Калининграде, $3,88 \pm 0,71$ баллов в Томске и $4,12 \pm 0,67$ баллов в Иркутске. Вузовская молодежь Иркутска испытывает сильно выраженную потребность в достижении в сравнении с молодыми людьми других городов. Наименьший показатель выявлен у студентов, обучающихся в Томске.

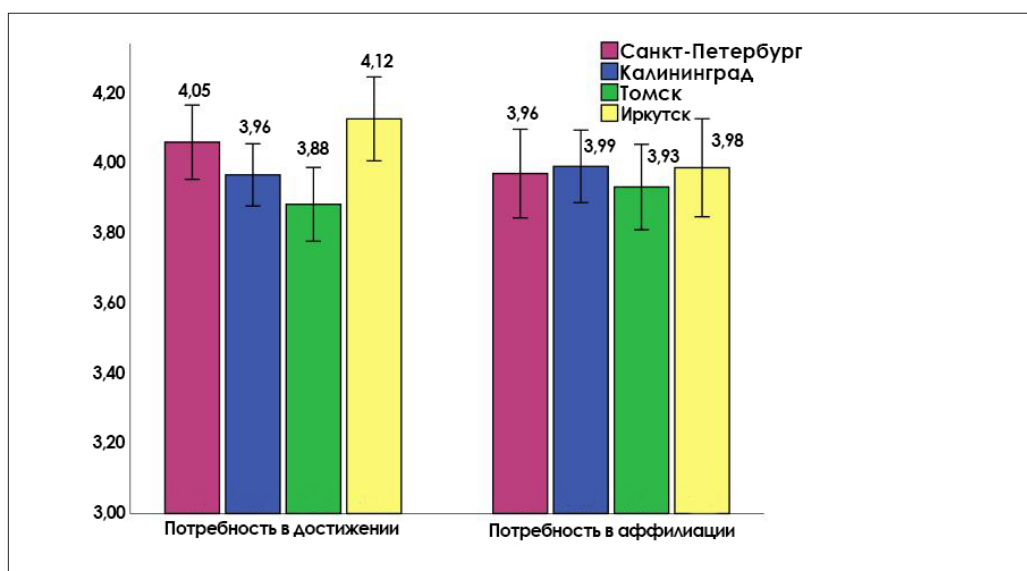


Рисунок 5. Степень выраженности потребности в достижении и аффилиации (методика PRF) в исследуемых городах в баллах

Обсуждение результатов

Проведенный факторный анализ выявил, что ведущим фактором являются показатели субъективной оценки российской вузовской молодежью реализуемости базисных метаценностей в соответствующих средовых условиях. Отметим, что факторный анализ проводился на общей выборке с целью выявления наиболее значимых комбинаций исследуемых психологических параметров и их дальнейшего осмысления. Существенный вклад в этом контексте вносят ценности самоутверждения и ценности профессиональной самореализации, что согласуется с ранее полученными данными (Атаманова, Богомаз, Бойко, Иванова и Перикова, 2019). Выделенный фактор подтверждает важность учета ценностных ориентаций вузовской молодежи на индивидуальном уровне при анализе специфики личностно-средового взаимодействия.

Второй по значимости фактор связал параметры психологической системы деятельности, характеризующие потребности (включая потребности в самодетерминации), личностную готовность к деятельности и инновативные качества российской вузовской молодежи. Возможная трактовка такой комбинации исследуемых показателей предполагает наличие взаимосвязи между личностной готовностью к деятельности, инновативными качествами личности и стремлением к самодетерминации с точки зрения реализации потребности достижения. Выделенный фактор представляет собой довольно сложный комплекс психологических параметров, поскольку содержит три показателя, которые сами являются интегральными характеристиками («индекс личностной готовности к деятельности», «индекс инновативности личности» и «индекс самодетерминации»). Рассматривая данный фактор с позиции готовности российской вузовской молодежи к инновационной деятельности, можно отметить, что ведущую роль занимают потребности достижения, а это может указывать на готовность к так называемой «традиционной» деятельности. Такое «традиционное» представление о деятельности, в сравнении с деятельностью инновационной, можно объяснить с позиции противостояния «напряженной потребности» и «напряженной возможности». Ключко и Галажинский (2009) подчеркивают, что «в феноменах инновационного поведения проявляет себя особая, только человеку присущая форма перехода возможности в действительность» (с. 147), в отличие от «традиционно» понимаемой деятельности, источником которой выступает «напряженная потребность» (с. 146). Буравлева и Богомаз (2020) также отмечают, что по результатам регрессионного анализа, проведенного на томской выборке, личностная готовность к деятельности у студентов инженерных направлений подготовки, кроме инновативных качеств личности, связана еще и с их приверженностью традиционным ценностям, с сохранением привычного порядка вещей и стабильностью. Полученная исследователями регрессионная модель показывает, что инновационный стиль реагирования на изменения имеет обратную зависимость с личностной готовностью к деятельности. Стиль реагирования на изменения является характеристикой привычного поведения в ситуации выбора (Базаров и Сычева, 2012), что свидетельствует в пользу нашего предположения о «традиционно» понимаемой деятельности.

Фактор 3, объединивший ценностные ориентации на уровне культуры, можно рассматривать в качестве фактора, объясняющего ориентацию российской вузовской молодежи на будущее, групповую сплоченность и приверженность традиционным ценностям. Полученная комбинация ценностных ориентаций в большей степени соответствует характеристике обществ коллективистского типа (Inglehart & Welzel, 2005; Лебедева и Татарко, 2019).

Четвертый по значимости фактор описывает связь самодетерминации и ценностных ориентаций на уровне культуры, характеризующих степень избегания неопределенности (отрицательный вклад в фактор) и стремления к удовлетворению потребностей. Ведущий показатель в данном факторе связан с принятием вузовской молодежью ситуаций неопределенности, что, по-видимому, способствует в целом процессу самодетерминации, поскольку удовлетворение потребности в автономии, компетентности и связности с другими людьми обусловлено теми возможностями, которые человек обнаруживает в соответствующих средовых условиях (Sheldon & Hilpert, 2012). В то же время, согласно Латовой (2016), толерантное отношение к ситуациям неопределенности как раз и позволяет человеку видеть гораздо больше возможностей для своего личностного роста и профессионального развития, что представляется существенным для понимания процессов личностно-профессионального становления вузовской молодежи в определенных средовых условиях.

Фактор 5 отражает взаимосвязь между ориентацией респондентов на ценности индивидуализма, их приверженностью к ценностям культур «фемининного» типа и стремлением к равноправию и уважению личности, что соответствует характеристике обществ с более высоким уровнем экономического развития, в том числе и в контексте инновационного развития (Хофстеде, 2014). По нашему мнению, в этом может проявляться особенность исследуемой выборки (вузовская молодежь), с одной стороны, и определенная степень ориентации на индивидуалистические ценности, наблюдаемая в настоящее время в российском обществе, с другой (Лебедева, 2012; Латова, 2016).

Анализ результатов дисперсионного анализа подтверждает наше предположение о том, что в разных городах нашей страны может проявиться определенная специфика личностно-средового взаимодействия, реализуемая на уровне ценностных ориентаций и параметров психологической системы деятельности, в контексте личностно-профессионального становления вузовской молодежи, обучающихся в этих местах. Как уже отмечалось ранее (раздел «Методы»), исследуемые города различаются по своему статусу, территориально, демографически и по уровню социально-экономического развития.

Сравнительный анализ степени выраженности культурных измерений (методика Г. Хофстеде), которые рассматриваются нами «в качестве социально-экономических факторов, детерминирующих ценности человека и его поведенческие установки» (Атаманова и Богомаз, 2018, с. 134), выявил статистически достоверные различия только по одному показателю «долгосрочная vs краткосрочная ориентация». С одной стороны, это вполне объяснимо, поскольку выборку исследования составили только российские студенты, в отличие от результатов кросс-культурного исследования с участием вузовской молодежи России и Казахстана (Atamanova, Bogomaz, & Filipova, 2019), где статистически достоверные различия были выявлены по таким показателям, как «индивидуализм vs коллективизм», «избегание неопределенности» и «долгосрочная vs краткосрочная ориентация». Вместе с тем, по мнению ряда исследователей (Minkov & Hofstede, 2012; Minkov et al., 2015), различия по культурным ценностям могут обнаруживаться и на внутринациональном уровне. Анализ показывает, что в наименьшей степени ориентация на долгосрочную перспективу выражена у вузовской молодежи Санкт-Петербурга, наибольшая степень выраженности – у студентов, обучающихся в Иркутске, а Калининград и Томск занимают промежуточное положение. Отметим, что степень выраженности долгосрочной ориентации характеризует степень готовности общества жить во имя будущего (Хофстеде, 2014). Полагаем, что полученные результаты в отношении исследуемой выборки как раз и отражают

определенную личностно-средовую специфику. В частности, студенты, обучающиеся в вузах Санкт-Петербурга, в большей степени ориентированы на быстрое достижение поставленных целей, и город, по их мнению, предоставляет им широкий спектр возможностей для личностно-профессионального становления. В то же время вузовская молодежь Иркутска в большей степени ориентирована на будущее и готова «потерпеть» и работать на перспективу. Отметим также, что в рамках проведенного исследования период проживания респондентов в тех или иных средовых условиях не учитывался, однако этот параметр заслуживает исследовательского внимания и будет нами задействован в дальнейших исследованиях.

Далее, статистически достоверные различия, выявленные по показателю «традиционные ценности vs рационально-секулярные ценности» (методика Р. Инглхарта), также свидетельствуют о региональных различиях в степени выраженности приверженности российской вузовской молодежи традиционным ценностям. Минимальные значения по этому показателю зафиксированы в выборках Санкт-Петербурга и Калининграда, максимальные – у студентов, обучающихся в Томске и Иркутске. Другими словами, вузовская молодежь в Сибири в большей степени ориентирована на коллективизм и склонна к проявлению почтительного отношения к семье, роду и родному краю, лояльности к официальной власти, религиозности. Молодежь, обучающаяся в крупных городах, вероятно, в большей степени привержена ценностям модернизма с ориентацией на индивидуализм, что согласуется с результатами, полученными и по методике Г. Хофстеде в отношении показателя «долгосрочная vs краткосрочная ориентация». Калининград в этом смысле занимает особое положение в силу территориальной близости к Европе и некоторой удаленности от основной российской территории, что, по-видимому, оказывает влияние на развитие соответствующих ценностных ориентаций.

Сравнительный анализ ценностных ориентаций вузовской молодежи на индивидуальном уровне, позволяющий оценить потенциал социокультурных сред в контексте личностно-профессионального становления вузовской молодежи (методика СОРБЦ), также свидетельствует о наличии региональных отличий. В частности, степень выраженности показателей реализуемости базисных метаценностей в исследуемых городах показывает, что вузовская молодежь Иркутска видит гораздо меньше возможностей для реализации базисных ценностей в своем городе. Обращает на себя внимание и то, что вузовская молодежь Санкт-Петербурга в большей степени оценивает потенциал этого города с точки зрения реализуемости ценностей профессиональной самореализации, ценностей самоутверждения и индивидуальных ценностей в сравнении с другими городами. Города Калининград и Томск, по мнению респондентов, в большей степени способствуют реализации ценностей личной жизни. Картина в отношении реализуемости базисных ценностей в Томске выглядит достаточно сбалансировано. Полученные результаты хорошо согласуются с тем, что было нами получено ранее, что можно трактовать с позиции специфики «социально-экономической ситуации в России, когда основные финансовые и человеческие ресурсы концентрируются в крупных городах» (Атаманова и др., 2018, с. 95). Подтверждение этому находим и в работах Latova и Latov (2013). В свою очередь, это способствует тому, что молодежь субъективно оценивает такие города выше с точки зрения тех возможностей, которые мегаполисы предоставляют для профессиональной самореализации, самоутверждения в жизни и реализации ценностей индивидуализма. На примере вузовской молодежи Санкт-Петербурга это отчетливо наблюдается и согласуется с их большей степенью приверженности ценностям модернизма и краткосрочной ориентацией. Полученный результат подтверждает необходимость учета средовой специфики при

организации психолого-педагогического сопровождения процесса личностно-профессионального становления вузовской молодежи.

Сравнительный анализ параметров психологической системы деятельности в исследуемых выборках выявил статистически достоверные различия только по некоторым из них. В частности, исследуемые города различаются по показателю «планирование» с наибольшей степенью его выраженности у вузовской молодежи Иркутска и наименьшей – в Томске. С одной стороны, это согласуется с выявленной у вузовской молодежи Иркутска ориентацией на долгосрочную перспективу, и в этом смысле планирование помогает выстраивать свою жизнь стратегически. Относительно высокие значения по этому показателю в выборке Санкт-Петербурга, вероятно, связаны с необходимостью осознания своих действий для достижения поставленных целей уже в краткосрочной перспективе. Наименьшие значения по показателю «планирование» получены в выборке Томска, что может быть связано и со средовой спецификой (ориентация на инновационное развитие) города, который является особой экономической зоной технико-внедренческого типа. В исследовании Периковой, Бызовой и др. (2020) была выявлена обратная зависимость между этим параметром и инновационным стилем реагирования на изменения.

Статистически достоверные различия между исследуемыми городами, выявленные в отношении такого параметра самодетерминации, как связанность с другими людьми, указывают на то, что у вузовской молодежи Санкт-Петербурга и Иркутска потребность в связанности с другими людьми выражена в гораздо большей степени, в сравнении с Томском и Калининградом. Однако мы полагаем, что причины этому могут быть разными. В частности, вузовская молодежь Санкт-Петербурга может быть неоднородна по своему составу с точки зрения периода проживания в этом городе (этот фактор не учитывался в данном исследовании, как уже отмечалось ранее). В этом случае большая степень потребности в связанности с другими людьми может быть обусловлена их оторванностью от семьи и привычного круга. В Иркутске, возможно, это связано с большей степенью приверженности традиционным ценностям, что проявляется в коллективистских устремлениях. Более высокие значения по индексу самодетерминации у вузовской молодежи Санкт-Петербурга также согласуются с тем, что получено при анализе их ценностных ориентаций на индивидуальном уровне. Их субъективные оценки реализуемости базисных метаценностей в городской среде выше в отношении профессиональной самореализации, самоутверждения и реализации их индивидуальных ценностей, в сравнении с другими городами. Это, в свою очередь, предполагает большую степень «личностной зрелости человека, определяя меру его способности действовать относительно свободно, вне зависимости от внешних и внутренних условий осуществления деятельности» (Атаманова и др., 2018, с. 100).

Выявленные статистически достоверные различия между исследуемыми выборками в отношении потребности в достижении (методика PRF) показывают, что вузовская молодежь Иркутска испытывает сильно выраженную потребность в достижении, в сравнении с молодыми людьми других городов. Наименьший показатель выявлен у студентов, обучающихся в Томске. Полученный результат хорошо согласуется с более выраженной приверженностью традиционным ценностям, обнаруженной в данной выборке, что может свидетельствовать и о «традиционном» понимании деятельности и жизнеосуществления в целом.

В качестве заключения можно сделать следующие *выводы*:

1. Выделены наиболее значимые факторы, характеризующие ценностные ориентации и параметры психологической системы деятельности российской вузовской молодежи. К ним

относятся реализуемость базисных метаценностей в городской среде (иными словами, потенциал городской среды), ориентация на «традиционную» деятельность и приверженность ценностям коллективистских культур.

2. Подтверждено предположение о средовой специфике ценностных ориентаций российской вузовской молодежи на уровне культуры. Долгосрочная ориентация в большей степени выражена у студентов, обучающихся в Иркутске (максимальное значение) и Томске, в сравнении с Калининградом и Санкт-Петербургом (минимальное значение). Наибольшая приверженность традиционным ценностям наблюдается у вузовской молодежи Иркутска. Студенты, обучающиеся в Санкт-Петербурге, характеризуются наибольшей степенью приверженности ценностям модернизма.

3. Выявлена средовая специфика субъективной оценки реализуемости базисных метаценностей в соответствующих городских условиях. Вузовская молодежь Санкт-Петербурга обнаруживает гораздо больше возможностей для профессиональной самореализации, самоутверждения и реализации индивидуальных ценностей, в сравнении со своими сверстниками из Калининграда, Томска и Иркутска.

4. Обнаружены различия по отдельным параметрам психологической системы деятельности: планирование, потребность в связанности с другими людьми, индекс самодетерминации и потребность в достижении. Выявленная средовая специфика личностных характеристик согласуется с особенностями ценностных ориентаций в соответствующих городских условиях.

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 18–013–00781а «Ценностные ориентации и психологическая система деятельности молодежи в меняющемся мире: кросс-культурный анализ».

Литература

- Атаманова, И. В. и Богомаз, С. А. (2018). Личностная готовность современной вузовской молодежи к деятельности. В Ю. П. Поваренков (ред.), *Системогенез учебной и профессиональной деятельности. Часть I: Материалы VIII всероссийской научно-практической конференции* (с. 134–137). Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского.
- Атаманова, И. В., Богомаз, С. А., Бойко, Е. А., Иванова, Е. А. и Перикова, Е. И. (2019). Личностно-средовое взаимодействие: сравнительный анализ ценностных ориентаций современной российской молодежи. В А. Д. Карнышев и В. А. Решетников (ред.), *Междисциплинарные ресурсы экономической психологии в формировании этнорегиональной идентичности и позитивного образа малой родины: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием* (с. 297–303). Иркутск: Иркутский государственный университет.
- Атаманова, И. В., Козлова, Н. В., Богомаз, С. А., Залевский, В. Г. и Неяскина, Ю. Ю. (2018). Специфика личностно-средового взаимодействия на примере студенческой молодежи трех российских городов. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, 41, 90–105. <https://doi.org/10.17223/1998863X/41/11>
- Аузан, А. А. (2015). О возможности перехода к экономической стратегии, основанной на специфике человеческого капитала в России. *Журнал Новой экономической ассоциации*, 2, 243–248.

- Аузан, А. и Келимбетов, К. (2012). Социокультурная формула экономической модернизации. *Вопросы экономики*, 5, 37–44.
- Базаров, Т. Ю. и Сычева, М. П. (2012). Создание и апробация опросника «Стили реагирования на изменения». *Психологические исследования*, 5(25), 12. Доступ 16 октября 2020, источник <http://psystudy.ru>
- Богомаз, С. А. и Атаманова, И. В. (2017). Оценка восприятия городской и университетской среды через измерение ценностей. В А. Л. Журавлёв, В. А. Кольцова (ред.), *Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: Результаты и перспективы развития* (с. 646–651). Москва: Институт психологии РАН.
- Богомаз, С. А. и Атаманова, И. В. (2018). Анализ ценностей современной молодежи в контексте психологической системы деятельности. В В. В. Знаков и А. Л. Журавлев (ред.), *Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности* (с. 431–438). Москва: Институт психологии РАН.
- Бохан, Т. Г., Баланев, Д. Ю., Мацута, В. В., Щёткина, Н. Н., Таскина, И. А. и Фрокол, А. С. (2011). Личностная готовность к инновационному поведению молодежи народов Сибири. *Вестник Томского государственного университета*, 348, 110–114.
- Буравлева, Н. А. и Богомаз, С. А. (2020). Готовность студентов технических вузов к инновационной деятельности. *Российский психологический журнал*, 17(3), 30–43. <https://doi.org/10.21702/rpj.2020.3.3>
- Говорова, А. Д. (2018). Инглхарт Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. *Интеракция. Интервью. Интерпретация*, 10(16), 81–84.
- Гуторов, В. А. (2018). О некоторых актуальных аспектах интерпретации теории модернизации. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 20(2), 193–214. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2018-20-2-193-214>
- Дубина, И. Н. и Рамос, С. Д. (2019). Влияние национальных культур на творчество, стремление к новаторству и предпринимательство. *Менеджмент в России и за рубежом*, 1, 91–101.
- Клочко, В. Е. и Галажинский, Э. В. (2009). Инновационный потенциал личности: системно-антропологический контекст. *Вестник Томского государственного университета*, 325, 146–151.
- Кондаков, И. М. (1998). Методика для изучения мотивационных особенностей школьников. *Журнал прикладной психологии*, 24, 99–113.
- Латова, Н. В. (2016). Культурная специфика россиян (этнометрический анализ на основе концепции Г. Хофстеда). *Вестник Института социологии*, 19, 155–179. <https://doi.org/10.19181/vis.2016.19.4.433>
- Лебедева, Н. М. (2012). Ценности культуры и имплицитные теории инновативности. *Общественные науки и современность*, 5, 25–40.
- Лебедева, Н. М. и Татарко, А. Н. (2019). Векторы развития стран в едином пространстве культурных измерений. *Психологический журнал*, 40(6), 99–111. <https://doi.org/10.31857/S020595920007368-0>
- Леонтьев, Д. А. и Осин, Е. Н. (2014). Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 11(4), 110–135.
- Мандрикова, Е. Ю. (2010). Разработка опросника самоорганизации деятельности (ОСД). *Психологическая диагностика*, 2, 59–83.
- Осин, Е. Н. и Леонтьев, Д. А. (2008). Апробация русскоязычных версий двух шкал экспресс-оценки

- субъективного благополучия. В *Материалы III Всероссийского социологического конгресса*. Москва: Институт социологии РАН. Доступ 16 октября 2020, источник http://www.isras.ru/abstract_bank/1210190841.pdf
- Осин, Е. Н., Сучков, Д. Д., Гордеева, Т. О. и Иванова, Т. Ю. (2015). Удовлетворение базовых психологических потребностей как источник трудовой мотивации и субъективного благополучия у российских сотрудников. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 12(4), 103–121.
- Перикова, Е. И., Атаманова, И. В. и Богомаз, С. А. (2020). Специфика психологической готовности к инновационной деятельности молодежи Санкт-Петербурга и Томска. *Science for Education Today*, 10(1), 62–78. <https://doi.org/10.15293/2658-6762.2001.04>
- Перикова, Е. И., Бызова, В. М., Атаманова, И. В. и Богомаз, С. А. (2020). Стили реагирования на изменения в структуре психологической системы деятельности молодежи Санкт-Петербурга и Томска. *Психологические исследования*, 13(70), 3. Доступ 16 октября 2020, источник <http://psystudy.ru/index.php/num/2020v13n70/1741-perikova70.html>
- Савченко, А. И., Эминова, Е. А. и Батулин, А. В. (2015). Проблемы организационных структур в различных культурных средах. *Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право*, 25(7), 173–181.
- Хабибулин, Р. К. (2015). *Характеристики авторитета российской государственной власти в сознании граждан* (кандидатская диссертация). Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург.
- Хофстеде, Г. (2014). Модель Хофстеде в контексте: параметры количественной характеристики культур. *Язык, коммуникация и социальная среда*, 12, 9–49.
- Хофстеде, Г. и МакКрэй, Р. Р. (2010). Возвращаясь к обсуждению личности и культуры: связь личностных черт и культурных осей. *Социологический журнал*, 4, 9–41.
- Atamanova, I., Bogomaz, S., & Filippova, T. (2019). Modern youth's value orientations and activity in a cross-cultural context. In U. Berkis, L. Vilka (Eds.), *7th International Interdisciplinary Scientific Conference "Society. Health. Welfare". SHS Web of Conferences*, 68, 01005. <https://doi.org/10.1051/shsconf/20196801005>
- Bogomaz, S., Kozlova, N., & Atamanova, I. (2015). University students' personal and professional development: The socio-cultural environment effect. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 214, 552–558. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.11.759>
- Chien, S.-Y., Sycara, K., Liu, J.-S., & Kumru, A. (2016). Relation between trust attitudes toward automation, Hofstede's cultural dimensions, and Big Five personality traits. *Proceedings of the Human Factors and Ergonomics Society Annual Meeting*, 60(1), 841–845. <https://doi.org/10.1177/1541931213601192>
- Cronjé, J. C. (2011). Using Hofstede's cultural dimensions to interpret cross-cultural blended teaching and learning. *Computers & Education*, 56(3), 596–603. <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2010.09.021>
- De Mooij, M., & Hofstede, G. (2010). The Hofstede model: Applications to global branding and advertising strategy and research. *International Journal of Advertising*, 29(1), 85–110. <https://doi.org/10.2501/S026504870920104X>
- Diener, E., Emmons, R. A., Larsen, R. J., & Griffin, S. (1985). The satisfaction with life scale. *Journal of Personality Assessment*, 49(1), 71–75. https://doi.org/10.1207/s15327752jpa4901_13
- Fedotova, V. A. (2017). Age-related differences in values and economic attitudes among Russians. *Psychology in Russia: State of the Art*, 10(1), 105–116. <https://doi.org/10.11621/pir.2017.0108>

- Hofstede, G. (1991). *Cultures and organizations: Software of the mind*. London, New York: McGraw-Hill.
- Hofstede, G., & Minkov, M. (2013). *Values Survey Module 2013: Manual*. Geert Hofstede BV. Retrieved from <https://geerthofstede.com/wp-content/uploads/2016/07/Manual-VSM-2013.pdf>
- Inglehart, R. (1997). Modernization, postmodernization and changing perceptions of risk. *International Review of Sociology*, 7(3), 449–459. <https://doi.org/10.1080/03906701.1997.9971250>
- Inglehart, R., & Welzel, C. (2005). *Modernization, cultural change, and democracy: The human development sequence*. New York: Cambridge University Press.
- Jackson, D. N. (1984). *Personality Research Form manual* (3rd ed.). Port Huron: Sigma Assessment Systems.
- Kwon, S.-W., Heflin, C., & Ruef, M. (2013). Community social capital and entrepreneurship. *American Sociological Review*, 78(6), 980–1008. <https://doi.org/10.1177/0003122413506440>
- Latova, N. V., & Latov, Iu. V. (2013). "Capital cities centrism" as the cause of social inequality in the Russian system of higher education. *Russian Education & Society*, 55(6), 53–83. <https://doi.org/10.2753/RES1060-9393550605>
- Minkov, M., & Hofstede, G. (2012). Is national culture a meaningful concept?: Cultural values delineate homogeneous national clusters of in-country regions. *Cross-Cultural Research*, 46(2), 133–159. <https://doi.org/10.1177/1069397111427262>
- Minkov, M., Bond, M. H., & Blagoev, V. (2015). Do different national samples yield similar dimensions of national culture? *Cross Cultural Management: An International Journal*, 22(2), 259–277. <https://doi.org/10.1108/CCM-06-2014-0065>
- Sheldon, K. M., & Hilpert, J. C. (2012). The balanced measure of psychological needs (BMPN) scale: An alternative domain general measure of need satisfaction. *Motivation and Emotion*, 36, 439–451. <https://doi.org/10.1007/s11031-012-9279-4>
- Soares, A. M., Farhangmehr, M., & Shoham, A. (2007). Hofstede's dimensions of culture in international marketing studies. *Journal of Business Research*, 60(3), 277–284. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2006.10.018>
- Tekeş, B., Üzümcüoğlu, Y., Hoe, C., & Özkan, T. (2019). The relationship between Hofstede's cultural dimensions, Schwartz's cultural values, and obesity. *Psychological Reports*, 122(3), 968–987. <https://doi.org/10.1177/0033294118777965>

Дата получения рукописи: 31.12.2020

Дата окончания рецензирования: 18.09.2021

Дата принятия к публикации: 20.09.2021

Информация об авторах

Инна Викторовна Атаманова – кандидат психологических наук, доцент кафедры генетической и клинической психологии ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет», г. Томск, Российская Федерация; Scopus Author ID: 57211394316, ResearcherID: R-7838-2016, SPIN-код: 9980-2880; e-mail: iatamanova@yandex.ru

Екатерина Игоревна Перикова – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории поведенческой нейродинамики ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; Scopus Author ID: 57204564307, ResearcherID: Y-2335-2019, SPIN-код: 6456-1762; e-mail: e.perikova@spbu.ru

Атаманова И. В., Перикова Е. И., Щекотуров А. В., Богомаз С. А.

Личностно-средовое взаимодействие: исследование ценностных ориентаций...

Российский психологический журнал, 2021, Т. 18, № 3, 32–53. doi: 10.21702/rpj.2021.3.3

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Александр Вячеславович Щекотуров – кандидат социологических наук, заведующий социологической лабораторией анализа, моделирования и прогнозирования рисков ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта», г. Калининград, Российская Федерация; Scopus Author ID: 57196424095, ResearcherID: E-1709-2018, SPIN-код: 2498-7361; e-mail: ashchekoturov@kantiana.ru

Сергей Александрович Богомаз – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры организационной психологии ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет», г. Томск, Российская Федерация; Scopus Author ID: 6603772587, ResearcherID: F-3454-2014, SPIN-код: 8190-6179; e-mail: bogomazsa@mail.ru

Заявленный вклад авторов

Инна Викторовна Атаманова – планирование исследования, сбор эмпирических данных, теоретический обзор литературы, интерпретация результатов, оформление текста статьи.

Екатерина Игоревна Перикова – сбор эмпирических данных, статистический анализ данных, интерпретация результатов.

Александр Вячеславович Щекотуров – сбор эмпирических данных, интерпретация результатов, редактирование текста статьи.

Сергей Александрович Богомаз – методология исследования, статистический анализ данных, интерпретация результатов, редактирование текста статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.